

пользуется арабскими цифрами в математике, арабскими названиями многих созвездий, само слово «алгебра» взято из арабского языка.

Черты сходства Востока и Запада, которые раскрывает компаративистский анализ, позволяют надеяться, что вполне возможен диалог в общечеловеческом измерении для обеспечения позитивной коэволюционной динамики в современных условиях. Евразийское пространство Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана является одним из примеров попыток позитивной реализации объединительных тенденций «восточной» и «западной» культуры, основанных на принципах разумного диалога, взаимного доверия и экономической выгоды. В целях достижения положительного коэволюционного взаимодействия природных и социокультурных систем, в этом направлении необходимо продвигаться всему человечеству.

Мушинский Н. И. Евразийские духовные традиции: реминисценции аристотелевской «этики справедливости» в средневековой философии ислама

Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана служит наглядным примером позитивной реализации объединительных тенденций Востока и Запада на основе общечеловеческих принципов справедливости, которые приобрели особую актуальность на рубеже третьего тысячелетия. Столкнувшись с техногенными проблемами современности (глобальное потепление климата и т.п.), человечество постепенно осознаёт, что эффективно решать их можно только совместными усилиями при справедливом участии всех субъектов международного права. К сожалению, этому мешают пережитки взаимной конфронтации, господствовавшей в эпоху мировых войн, социальных революций, ракетно-ядерного противостояния «двух систем» на протяжении XX века. Хотя с появлением оружия массового поражения и доктрины «ядерного сдерживания» крупномасштабные вооружённые конфликты стали невозможны, борьба за природные ресурсы и сферы влияния успешно переходит в новые формы: ведутся «гибридные войны» с широким применением информационных технологий и средств

массовой коммуникации, страны «третьего мира» вовлекаются в локальное противостояние.

Тем не менее, углублённый компаративистский философский анализ позволяет утверждать, что объединение человечества на основе принципов справедливости для решения глобальных техногенных проблем всё же возможно, а противоположность Востока и Запада носит условный конкретно-исторический характер. Генетически между ними гораздо больше сходства, чем различий; на это, в частности, указывают обширные реминисценции аристотелизма в средневековой философии ислама, в том числе – в осмыслении самой категории «справедливость».

Философское наследие Аристотеля на протяжении многих столетий считалось квинтэссенцией западноевропейского рационализма, во многом сохраняет это значение и в настоящее время. Тем более поразительно, как легко в IX – XII вв. его учение о справедливости усвоили исламские мыслители. Столь эффективный идейный обмен позволяет предположить, что и в наши дни представители мусульманской культуры вполне способны интегрироваться в западное сообщество, а также воспринять западные рационалистические и гуманистические ценности на своей собственной территории, в обстановке равенства и взаимопонимания обсуждать глобальные техногенные проблемы, выработать конструктивные меры по их решению.

«Этика справедливости» органично входит в корпус аристотелевских сочинений, где указанная категория рассматривается в рамках общей теории «добродетели» (*ἀρετή*) и трактуется в духе «золотой середины» (*augea mediocritas*) между причинением и претерпеванием несправедливости. «Поскольку ясно, что между [крайностями] несправедливого существует некая середина. Это и есть справедливое равенство (*to ison*), ибо, в каком действии возможно «больше» и «меньше», в том возможно и справедливое равенство» [1, с. 150]. Аристотель рассматривает «справедливость» в контексте универсальной классификации «этических» (волевых) и «дианоэтических» (интеллектуальных) добродетелей. При этом он вовсе не обращается к высшим силам (богам пантеистического пантеона), как это делали представители античной архаики. Наоборот, излагает свою «теорию справедливости» ясно, системно, последовательно,

непротиворечиво, аргументированно, от простого к сложному, от дефиниции к классификации, от теоретических рассуждений к наглядным примерам, в полном соответствии с требованиями рационалистического дискурса (продолжая и завершая, в этом смысле, линию Сократа и Платона).

Как ни парадоксально, средневековая философия ислама в рассуждениях о справедливости широко применяет рационалистические реминисценции аристотелизма, в сочетании с другими достижениями античной («западноевропейской») научной методологии, в том числе прикладными. К этому существовали глубокие генетические предпосылки: переход арабских племён к скотоводству, освоение ими на волне демографического подъёма обширных территорий раннего халифата и «Великого шёлкового пути», заставляли не только заниматься поисками духовного единения через создание новой монотеистической религии, но и развивать науку: алгебру, астрономию, географию, медицину и т.п. Античные наработки пришлось здесь очень кстати.

При этом использование рационалистического метода в трактовке справедливости неизбежно заставляло мусульманских философов (которые при этом оставались истинными и последовательными приверженцами ислама) выступать против разных форм религиозного примитивизма, суеверия и экстремизма.

С точки зрения разума и здравого смысла предпочтительной является именно аристотелевская трактовка самодостаточности добродетели в реальной жизни: «Аль-Фараби выступает за самодовлеющий характер добродетели, против вознаграждения в загробном мире. Истинно добродетельный человек следует справедливости потому, что она сама по себе благо. Истинная награда добродетели есть сама добродетель» [2, с. 153]. В противном случае, добродетель и справедливость превращаются в свою противоположность, порок (причём в его безграничном выражении); общение с Аллахом уподобляется «торговле» и ростовщичеству, когда, жертвуя чем-то, надеются несколько позже всё это вернуть «с процентами».

Ещё один догмат, вызывающий сомнение исламских последователей Аристотеля, это фаталистическая вера во всемогущество Аллаха с точки зрения доктрины предопределения («Аллахи акбар»), вступающая в логическое противоречие с

принципом справедливости. Эту антитезу в духе проблемы «теодицеи» обнаруживает, в частности Аверроэс, исследуя содержание некоторых стихов Корана. Ибн-Рушд обращает внимание: «Первая группа стихов утверждает всемогущество творца, но отрицает его справедливость, ибо в загробном царстве люди несут незаслуженное наказание за деяния, предписанные им самим же владыкой судного дня; вторая группа стихов Корана утверждает в этом смысле справедливость бога, но зато отрицает его всемогущество» [3, с.129]. Следуя Аристотелю, мыслитель из Кордовы (Испания) пытается найти «срединный» путь, избежать крайностей «мутазилитов» (абсолютизовавших человеческую свободу воли) – с одной стороны, а также «джабритов» и «ашаритов» (приверженцев божественного предопределения в абсолютной, либо смягчённой форме),- с другой.

Что касается места справедливости среди прочих добродетелей, исламские средневековые философы тоже используют аристотелевскую классификацию: «Аль-Фараби делит добродетели на разумные и дианоэтические. Ко вторым относятся справедливость, умеренность, щедрость, храбрость, к первым – мудрость, сообразительность и острота ума» [2, с. 155]. Подобный подход позволяет учесть две стороны человеческой личности: интеллектуальную и чувственно-эмоциональную, каждая из которых может служить основой как порока, так и добродетели, в том числе справедливости, поэтому требует систематического и целенаправленного образования и воспитания.

Подчёркивается также прикладной характер этики как науки: «Знания о справедливом обязательно должны иметь практическую ориентацию» [2, с. 156]. Человек обязан реализовать свою добродетель в повседневной жизни, не просто отвлечённо теоретизировать, а совершать справедливые поступки. Знания о справедливости должны служить улучшению общественной жизни подобно тому, как знания о природе позволяют развивать ремёсла, делать полезные изобретения.

Аль-Фараби на основе аристотелевской этики формулирует следующий нравственный идеал: «Челове должен по природе своей любить истину и справедливость, легко подчиняться добру и справедливости и с трудом поддаваться злу и несправедливости, обладать большим благоразумием» [4, с. 345]. В этой трактовке

привлекает внимание лёгкий эмоциональный фон реализации справедливости как нравственной добродетели, отсутствие мрачного принуждения, свойственного религиозному фанатизму: в реальной жизни несправедливости предостаточно, порой трудно что-либо изменить, но добродетельный человек в самом себе несёт отвращение к ней, избегает её по мере возможности.

Особого внимания заслуживает обоснование Аверроэсом самого научного дискурса как справедливого, в полемике с религиозным фидеизмом, в одной из работ, которую известный исследователь А.В. Сагадеев перевёл с арабского языка [3, с. 190]. Восточный философ последовательно отстаивает необходимость научного изучения как окружающей природы, так и сложных философских проблем: «Ибо справедливость к лучшему разряду существующих вещей состоит в том, что они глубоко познаются лучшим разрядом людей. И чем величественнее существующая вещь, тем более велика несправедливость, состоящая в неведении о ней» [5, с. 10]. Таким образом, можно видеть, что наука на Востоке уже существовала, и осуществляла философскую рефлексию, отстаивая своё предназначение с позиций «теории справедливости», когда Запад ещё пребывал в пучине невежества (в эпоху «тёмных веков» после распада Римской империи) и жестокого преследования инакомыслящих средневековой инквизицией.

Разумеется, с тех пор Запад шагнул далеко вперёд в условиях промышленного переворота Нового времени, однако появление техногенных проблем современности заставляет его искать точки соприкосновения с Востоком для создания глобальной системы экологической, политической и экономической безопасности на основе критериев справедливости. Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана показывает возможность эффективного продвижения в этом направлении. Философско-теоретическую основу для подобного взаимодействия создаёт компаративистский анализ, который, в частности, обнаруживает реминисценции аристотелевской «этики справедливости» в средневековой философии ислама.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т.4.- М., 1983.

2. Касымжанов, А.Х. Абу-Наср аль-Фараби / А.Х. Касымжанов.- М., 1982.
3. Сагадеев, А.В. Ибн-Рушд (Аверроэс) / А.В. Сагадеев.- М., 1973.
4. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты / Аль-Фараби.- Алма-Ата, 1973.
5. Ибн-Рушд. Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией. Дополнение. Книга об открытии путей аргументирования догм общины / Ибн-Рушд.- Каир, 1902.

Семенов В. А. Идея возрождения России через православие и религиозность русской души в творчестве Н. О. Лосского

В 1922 году из Советской России была выслана большая группа ученых и деятелей культуры. «В истории послереволюционной России, - отмечал в своём труде, посвященном исследованию судеб русской эмиграции Вячеслав Костиков, - это был первый случай, когда людей «выдворяли» из собственного отечества, не спросив у них согласия. Высылка 1922 года была последним крупным разрывом плоти русской культуры. Вслед за тем, кто покинул страну в отблесках пламени гражданской войны, высылались те, кто остался и не желал уезжать. Их изгнали потому, что возвращенные на гордых принципах русской культуры, они не хотели менять убеждения, не желали смириться с изъятием права думать так, как им велела совесть» [1].

Среди высланных из России интеллигентов оказался российский мыслитель, специалист в области философии, религии и этики Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965), К написанным им произведениям по разнообразным отраслям знания (платонизму, лейбницианству, интуитивизму, спиритуализму) следует добавить ещё и работы по истории российской мысли, которые принесли ему мировую известность. Из этих работ исследователи творчества Лосского выделяют такие, в которых он говорит не только о характере России как государства. В них он рассуждает о тех общих свойствах, которые чаще всего встречаются у русских людей и потому обычно выразимы в общих понятиях. Они, по его мнению, с